

Религиоведение. 2020. № 1
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 1

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.83-93

Прихотько В.А.

Дальневосточный федеральный университет
690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, поселок Аякс, 10, ДВФУ, корпус F
val.prikhotko@gmail.com

Самоидентификация личности православного христианина в контексте традиций и социокультурных трансформаций погребально-поминальной обрядности

Аннотация. Вопрос, поднимаемый в статье, связан с самоидентификацией православного христианина в значении его осознанного желания быть погребённым определённым образом. Новизна исследования заключается в использовании социально-психологического подхода для изучения социокультурных трансформаций погребально-поминальной обрядности. Смысл древней христианской некрологической практики намеренно упрощается автором для выявления в структуре современного российского похоронного ритуала, совершаемого над православным христианином, традиционных и инновационных черт по отношению к исходному. Личностное восприятие феномена «смерть» на современном этапе предлагается проследить при помощи понятия «самоидентификация» (усвоенный и принимаемый образ личностью себя), связанного с эмоциональным, когнитивным, мотивационным и деятельностным уровнями восприятия религиозного знания. Автором принимается во внимание разнообразие символических элементов похоронной обрядности, при этом настоящее исследование призвано обобщить повторяющиеся особенности погребально-поминальной обрядности православных христиан (подготовку человека к смерти и действия с телом покойного) с учётом специфики региональных проявлений при охвате достаточно больших территорий России в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. В статье представлены следующие выводы: 1) погребальный ритуал или обряд является частью фундамента культуры, обеспечивает её сохранение от деформаций; 2) самоидентификация отдельного человека определённым образом связана с традицией в целом; 3) погребение тела в земле может отражать неосознанное стремление сохранить личность усопшего, на сознательном уровне следование традиционным обрядам говорит о групповой принадлежности; 4) от каждого человека и его выбора зависит участие в инновационных процессах, принятие моделей, существующих на мезо- и макроуровнях. Высветленные линии обозначенного подхода могут быть включены в программу социологического или психологического исследований проблематики, связанной с осмыслением религиозной танатологии современными россиянами.

Ключевые слова: погребально-поминальная обрядность, самоидентификация, православный христианин, традиция, социокультурные трансформации, погребение, кремация

Valeria A. Prikhotko

Far Eastern Federal University
build. F, FEFU Campus, 10 Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922
val.prikhotko@gmail.com

Self-Identification of an Orthodox Christian in the Context of Traditions and Socio-Cultural Transformations of Funeral and Memorial Rites

Abstract. The question raised in the article is related to the self-identification of Orthodox Christians in the meaning of their conscious desire to be buried in a certain way. The novelty of the study is the use of a socio-psychological approach to study the socio-cultural transformations of funeral and memorial rites. The meaning of the ancient Christian obituary practice is deliberately simplified by the author in order to identify traditional and innovative features in the structure of the modern Russian funeral ritual performed on an Orthodox Christian in relation to the original one. At the present stage, it is proposed to trace the personal perception of the phenomenon of “death” using the concept of “self-identification” (the self-image acquired and accepted by the individual), which is associated with the emotional, cognitive, motivational and activity levels of perception of religious knowledge. The author takes into account the variety of symbolic elements of funeral rites, and this study is intended to generalize the recurring features of funeral and memorial rites

of Orthodox Christians (preparation of a person for death and actions with the body of the deceased), taking into account the specifics of regional manifestations when covering large enough territories of Russia in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. The article presents the following conclusions: 1) the funeral ritual or rite is part of the foundation of the culture, ensuring its preservation from deformations; 2) the self-identification of an individual is connected in a certain way with the tradition as a whole; 3) the burial of a body in the ground may reflect an unconscious desire to preserve the identity of the deceased, on a conscious level, following traditional rites indicates group membership; 4) participation in innovative processes and the adoption of models that exist at the regional and macro levels depend on each person and their choice. Highlighted lines of indicated approach can be included in the program of sociological or psychological research issues related to understanding the religious thanatology by modern Russians.

Key words: funeral and memorial rites, self-identification, Orthodox Christian, tradition, socio-cultural transformations, burial, cremation

Древнехристианская погребально-поминальная обрядность: попытка реконструкции модели

В традиционной культуре обряды фиксировали значимые этапы бытия человека как личности, а также поддерживали структуру общества в целом. Обряд придавал событию особую значимость, способствовал переходу человека в иное качественное состояние, соединял членов общины. Совершение погребального обряда, входящего в состав традиционной культуры, свидетельствовало о завершении земного существования конкретного человека в глазах окружающих. Представления о смерти в дохристианский, ветхозаветный и новозаветный периоды различные, соответственно, локально общиной вкладывался конкретный смысл в прощальные действия. Практики сжигания тела и закапывания трупа, распространённые в дохристианский период, были дополнены мотивом пробуждения в вечности, свойственным для раннехристианской общины. В новозаветный период восприятие смерти становится иным по сравнению с ветхозаветным, поэтому сама обрядность существенно не изменяется. Прот. Александр Шмеман обращается к литургии смерти, которая включает в себя похоронный обряд и сложную византийскую систему молитв за усопших. Автор утверждает, что церковь первых христиан не создала литургической формы погребения своих членов по причине того, что Римская империя не предоставляла условий для развития христианской общины, поэтому верующим приходилось хоронить усопших по существующим обществу обычаям. О.А. Митько также считает, что на начальном этапе христианство не придавало особого значения способу погребения, автор доказывает, что кремация и ингумация были практически равнозначны, кремация обходилась дороже: «...для малоимущих христиан расходы на погребальный костёр были недоступны» [Митько, 2006, 106–117]. Однако позже сформировалось представление о сохранении тел верующих, которое отразилось в рассуждениях об отношении церкви к кремации. Так, в документе «О христианском погребении усопших» находим: «Церковь верует, что Господь властен воскресить любое тело и из любой стихии (Откр. 20, 13)», в тексте упоминаются слова Марка Минуция Феликса: «Мы не боимся никакого ущерба при любом способе погребения, но придерживаемся старого и лучшего обычая предавать тело земле» [О христианском погребении, 2016]. В западной христианской Церкви отказались от кремации в 768 году. О.А. Митько особо отмечает запрет сжигать умерших под угрозой смертной казни и требование хоронить их в земле на кладбищах, осуществлённый французским королём Карлом Великим в 785 г. [Митько, 2006, 106–117]. Считается, что в первохристианскую эпоху дни мученической смерти стали именоваться днями рождения для новой жизни. Погребение в тот период получало новый смысл и новую форму обряда, эмоционально противоположного предшествующему, но одновременно назидательного для живых, оно служило выражением почтения к личности умершего. Послания Апостолов содержат первые свидетельства правил о проводах усопших – с пением псалмов и с горящими светильниками в руках, служившими символом радости. «Провожайте усопших с пением, если они умерли верными в Господе, ибо “...честна пред Господом смерть преподобных его”¹, или “...память праведных с похвалами, и праведных души в руке Божии”²» [Голубцов, 1911]. Порядок отпевания представляет собой следующие

действия: усопшего приносят к иерею для получения священных венцов, ожидается, что умерший принимается с радостью, после чего священник возносит за него молитву благодарения Богу, затем читаются из Евангелия места, содержащие учение о воскресении, что дополняется пением псалмов того же содержания. Предстоятель вспоминает имена святых усопших, к которым присоединяет и молитву о новопреставленных; возливает елей на умершего, провожает целованием и предаёт земле. Иер. Николай (Летуновский) подчёркивает, что процесс погребения представляет собой выражение христианской веры. Подобно римлянам, особо почитавшим героев, верующие во Христа признают бессмертный человеческий дух: «Поэтому в том, как омываются и обряжаются тела праведников, как совершаются их торжественные выносы, сколь заботливо обставляются погребения, следует усматривать не что иное, как исполнение долга любви» [Летуновский, 2012б]. Древнехристианские обряды являются наследием иудейских погребальных обрядов, различие заключается в смысле совершаемого: христианский погребальный обряд в основе имеет веру в И. Христа и надежду на бессмертие и вечную жизнь, иудейский – глубок по содержанию, внешне сопровождается выражением глубокой скорби о почившем. Т.П. Павлова, описывая еврейский погребальный культ, находит его чрезмерно эмоционально окрашенным: «Заламывая руки, колота себя в грудь, они бросались на землю, посыпали себя пылью, царапали себе ногтями лицо и тело (2 Цар., 13,19; Иер. 21:5)» [Павлова, 2006, 769–770]. Напротив, умирающему христианину необходимо было иметь уверенность в том, что он следовал учению, сохранил веру и уповаеет быть со Христом, согласно призыву св. ап. Павла (2 Тим. 4:7, 8). Символические изображения загробной участи человека в виде образов, имеющих коннотацию вечности, например, птицы феникс, дополнялись желанием молитвенного заступничества усопших за живых. Прот. Александр Шмеман, изучив творчество раннехристианских авторов, особенно выделяя письма Игнатия Антиохийского (Послание к римлянам, гл. VI) и послание к Филиппийцам ап. Павла (Флп. 1:21), подчёркивает мысль о некоем истинном контексте, содержащемся в работах, через который можно осознать смысл. Так, автор отмечает отсутствие упоминания ранней Церкви темы похоронных обычаев, считая, что оно неслучайно, так как демонстрировало отказ от интереса к смерти как таковой, к усопшим и их посмертному существованию, содержащегося в языческом культе мёртвых. Особенно прот. Александр Шмеман сосредотачивается на псалме 118, функция которого «...отождествить <...> конкретного усопшего <...> с Самим Христом, отождествить его смерть с Его смертью» [Шмеман, 2013, 91]. Иер. Николай (Летуновский), перечисляя этапы похоронного обряда ранних христиан (закрытие глаз, омовение и умащение благовониями, облачение в белые льняные одежды, уложение на постель (носилки, позже – в гроб); чин погребения (священнодействия), последнее целование как выражение мира и любви), указывает на желание членов первохристианских общин во всём подражать Христу. Стремление во всём быть послушным Господу отражено в текстах более позднего периода. Например, на данный факт указывает описание погребения святителем Григорием Нисским своей сестры, в котором выражено желание автора текста и участников события побороть душевные переживания и направить силы на духовную поддержку и помощь умершей. Танатологические воззрения свт. Григория Нисского изложены в различных трудах. Мы находим в рассуждениях автора убеждения в неизбежности смерти, мысли о естественности завершения земного конца, о возможности воскресения и вечной жизни. В сочинении «О душе и о воскресении. Разговор с сестрою Макриною» отметим следующие слова: «... не должно скорбеть о почивших (1 Фес. 4, 13), потому что скорбь эта свойственна только не имеющим упования» [Григорий Нисский, 2014, 163]. Разнообразие переживаний, связанных со смертельным исходом, отражено в отрывке об отращении, которое свойственно людям, так как общество научает относиться к смерти другого соответствующим образом: «...кто видит умирающих, те с трудом сносят это зрелище; а к кому приближается смерть, те, сколько можно, от неё бегут. Да и господствующие законы признают её крайним из преступлений и крайним из наказаний...» [Григорий Нисский, 2014, 163]. В противовес существующим высказываниям, святитель ссылается на факт смертной казни Иисуса Христа, который принимается за образец

пути верующего. Сам свт. Григорий переживает состояние горя при расставании со своей сестрой, но рефлексивный анализ автора в полной мере подтверждает переосмысление христианского прощания по сравнению с существовавшими правилами: «Моя же душа вдвойне терзалась печалию: от того, что я видел перед своими взорами, и от плачевных воплей дев, которые оглушали мой слух» [Григорий Нисский, 2014, 150]. С одной стороны, в описании присутствует уважение традиции, определённое отношение к прижизненным просьбам умирающей, а также к телу покойной, так, свт. Григорий касается уже закрытых глаз сестры: «...вспомнив завещание, которое она сделала мне при самом первом свидании, сказав, что хочет, чтобы мои руки закрыли глаза её и чтоб я воздал обычное служение её телу...» [Григорий Нисский, 2014, 150], с другой стороны, свт. Григорий старается при помощи двух благоразумных женщин, Ветианы и Лампадии, настроить верующих на молитвенное общение, вразумить унывающих: «Посмотрите на неё и вспомните её правила, которыми она учила вас во всём соблюдать порядок и благочиние. Божественная её душа одно время назначила нам для слёз, повелевая делать это во время молитвы: это и можно исполнить теперь, изменив слёзные рыдания в соответственное им псалмопение» [Григорий Нисский, 2014, 151–152]. Мы наблюдаем, что решение о смертной одежде³ принимается коллегиально, при совещании учитывается воля умершего человека: «...теперь не будет предосудительно возложить на это тело более светлые украшения, облечь эту чистую и непорочную плоть в светлые одежды», но с соблюдением желаний усопшей – «... нужно наперёд узнать, что святая в этом случае одобряла, ибо совершенно неприлично с нашей стороны делать что-то против её желания; но, конечно, всё, что приятно и угодно Богу и ей, также будет приятно» [Григорий Нисский, 2014, 152]. Жизнь св. Макрины отличалась христианским подвижничеством, что доказывается метафорическими оборотами в речи Лампадии: «Украшение, о котором заботилась святая, была чистая жизнь...» [Григорий Нисский, 2014, 153]. Известно, что свт. Григорию было разрешено принести приготовленные вещи для погребения. Ветиана обратила внимание на имевшиеся на теле усопшей предметы, крест и кольцо из железа, «...привешенные на тонком, волосяном шнурке...» [Григорий Нисский, 2014, 154], их решено было не оставлять при захоронении. После попечений украшенное в нарядные светлые одежды тело было накрыто сверху материей тёмного цвета. Обычай выражения чрезмерной скорби на протяжении всего прощания заключал в себе как традиционное поведение присоединяющихся, так и естественное горе, страдание тех, кто лично знал сестру свт. Григория. «С наступлением же утра множество мужей и жён своими воплями заглушали псалмопение» [Григорий Нисский, 2014, 156]. К погребальному шествию присоединялись все желающие: «С обеих сторон гроб сопровождало немалое количество диаконов и служителей; они шли около одра с зажжёнными восковыми свечами» [Григорий Нисский, 2014, 157]. На основании данного описания можно заключить, что молитвенное состояние предпочтительнее экспрессивных реакций. В творениях Григория Нисского обозначена идея сравнения мученичества и подвижничества. Так, в работе «О цели жизни по Богу и об истинном подвижничестве» святитель связывает монашество с древнехристианским мученичеством, подчёркивая их преемственность в деле спасения: «Ведь поскольку он всё упование своё возлагает на воскресение [из мёртвых] и будущие блага, то всякое поношение, бичевание и прочие страдания вплоть до [смерти] крестной суть [для него как бы] роскошная нега, блаженный покой и залог небесных сокровищ» [Творения, 2012, 263]. А.И. Сидоров отмечает, что с III в. Ориген и св. Мефодий стали называть христианских девственников и мучеников «свидетелями», что в IV веке распространилось в древнецерковной письменности, комментатор видит в этом явлении как историческую преемственность, так и внутреннюю (или «типологическую») близость [Творения, 2012, 625–626], что означает стремление верующего во Христа в обоих случаях через самоотречение доказать свою любовь к Богу, приблизиться к нему в молитвенном общении. «Мученичество, по изображению древних памятников, прежде всего акт послушания воле Божией» [Творения, 2012, 625–626]. Различие, по мнению исследователей, видится в количестве подвигов: мученик делает то один раз, аскет – ежедневно. В труде «О том, что значит имя и название “христианин”.

К Армонию» св. Григорий пишет: «...христианство есть подражание Божескому естеству» [Григорий Нисский, 2014, 9]. Таким образом, верующий во Христа, согласно представлению свт. Григория Нисского, является продолжателем великого дела спасения: «...мы, приняв наше исповедание от многих мучеников, провозгласили его Духу, омывшему нас в источнике таинства» [Творения, 2012, 224]. Страдания относят к одному из величайших таинств христианской веры [Шмеман, 2013, 153]. Таким образом, мы видим особое духовное состояние христианской общины, сила которого подчёркивала различие в восприятии смерти между языческим миром и миром верующих. Исследователи отмечают упадок воодушевления и веры после получения церковью формальной свободы. Прослеженный нами генезис демонстрирует переосмысление, связанное с определённым историческим контекстом и условиями. С точки зрения богословов, подавление мыслей о смерти и тенденция её гуманизации, распространённые в современных странах с преобладающим числом лиц христианского вероисповедания, лишают смысла факт земного существования. Вера в пребывание со Христом представляет собой религиозный опыт видения смерти, открывающийся при жизни. Надежда в христианском представлении также связана со смертью, она означает предвкушение воскресения. Смерть в осмыслении ранних христиан – это трагедия и победа одновременно, которая должна быть уничтожена самим стремлением человека обрести святость, таким образом, на пути духовно-нравственного развития особую ценность имеет как неповторимость жизни, так и уникальность перехода в иной мир.

Погребально-поминальная обрядность в России: исторический обзор и современная проблематика

Погребально-поминальная обрядность присутствует в любом народе как составная часть его культурных традиций, в ней отражаются особенности человеческих связей и моральных норм, определяющих состояние общества в тот или иной период. В российском обществе принято сохранять память об ушедших из жизни. Поминальный цикл способствует этому, его составляющие имеют коммуникативную функцию, позволяющую обращаться к умершим и «общаться» с ними. Родственники и близкие посещают могилы, участвуют в днях памяти, молениях, трапезах. Выбор местожительства взрослых пар продиктован желанием находиться в одной местности (стране, городе, селе) с захоронениями, что связано с представлением о сохранении родственных связей и своей принадлежности роду. С позиции православного мировидения, земное пребывание ориентировано на обретение жизни в вечности; события, переживаемые в страстную седмицу и самый почитаемый праздник верующих, Светлое Христово Воскресение, ежегодно благодаря церковному циклу поднимают вопрос о победе жизни над смертью, что отразилось в отечественной религиозно-философской мысли. Часть населения, воспринявшая свою сопричастность традиционным ценностям через православное вероучение, отстаивает тезис о том, что семья является малой церковью, где возможно осмысление личной связи с Богом через деятельную любовь к ближним. В настоящее время поднимается вопрос о деформации межличностных связей в традиционном российском обществе, что отражается на отношении к усопшим. Исследователи компонентов, составляющих комплекс похоронно-поминальной обрядности российских православных христиан, таких, как отпевание, захоронение, поминание, соглашаются в вопросе о том, что на примере обряда жизненного цикла можно проследить коренные изменения в духовной культуре русского народа с конца XIX по XX–XXI вв.

Рассмотрим обряды обмывания тела, одевания, положения в гроб, прощания, а также вынос тела, священнодействие. Описание обобщённого образа предпохоронного этапа возможно благодаря сохранности обычаев на территориях сельской местности. Как отмечает С.В. Просина, «...с момента сбора одежды, а также заготовки гроба можно говорить о начале похоронного обряда в целом. Человек сам является инициатором этого процесса» [Просина, 2011, 104–114]. Н.С. Грибанова, Т.С. Проскурина в работе по изучению погребения и поминания также констатируют, что человек готовился к смерти при жизни, например, доски для гроба хранили на чердаке, для того, чтобы они были достаточно сухими, и гроб был лёгким, его изготавливали в день смерти. Почти повсеместно обмывание совершается приглашёнными

пожилыми женщинами, после него покойника обряжают [Грибанова, Проскурина, 2008, 92–100]. На основании проведённого исследования смертной одежды С.В. Просина выяснила, что конец жизни воспринимается, скорее, как естественный этап перехода в иной мир. Так, приготовленную одежду демонстрируют, перебирают, обсуждают её нарядность и уместность, но не надевают, для неё используются эпитеты «новая», «праздничная», «лучшая». Информанты предпочитают оттенки светлых тонов, белого цвета, но в некоторых регионах отдают предпочтение более тёмным тканям (характерно для жителей сельской местности, что, возможно, связано с практичностью, возможно, с отождествлением с монашествующими). Иногда предметы одежды (например, сменную косынку, рубаху, платье) кладут во гроб «с собой», подразумевая, что путь в другой мир будет долгим. В дореволюционный период для погребения использовали венчалные и крестильные наряды, в случае, если шили готовый комплект, его освящали в церкви, чтобы он стал «очищенным» для предстоящей дороги. Комплект представлял собой длинную рубаху (сорочку), обувь (на плоской подошве с задником, разнообразие зависело от местности, например, С.В. Голикова употребляет слово «калишки») – суконные или вязанные из плотных нитей тапочки [Голикова, 2012, 118–122]), саван. До XIX века предпочтение оказывали домотканому льну. Н.С. Грибанова, Т.С. Проскурина обращают внимание на местоположение гроба в сельском доме: согласно обычаям, покойного кладут головой к красному углу, гроб ставят на доски, положенные на табуретки. Традиционно одну ночь тело должно провести дома⁴. На примере собранного в исследовании С.В. Голиковой этнографического материала наблюдаем наличие действий, совершаемых с трупом, как священного характера, так и магического. Так, в Слободском уезде после отпевания участвующие в похоронной процессии прикладывались сначала к образу, принесённому из дома покойного, затем подходили прощаться. «Священник читал разрешительную молитву, клал её в руки умершего, и того закрывали покровом. Если предварительно проводился обряд соборования, то дополнительно на покров «крестообразно» лили масло и «посыпали землёй». Под пение «трисвятого» гроб выносили из церкви, сопровождавшие «вслед ему кланялись в землю» [Голикова, 2012, 118–122]. Учёные зафиксировали также заклинательные действия, связанные со страхом смерти. «Если у покойника не закрывались глаза, то в целях предосторожности (чтобы он не увидел кого-либо из живых и не увёл с собой) на них клали копейку» [Голикова, 2012, 118–122]. Существовало поверье о том, что умерший человек опознается в загробном мире по наличию светящегося предмета. «В Чердыни “по принесении” мёртвого тела в Церковь каждый провожающий ставил от себя на гроб свечу, полагая, “...будто бы умерший и сам после встретит их также со свечей”. После выноса из церкви гроб с покойным без остановки несли до кладбища» [Голикова, 2012, 118–122]. При закрывании крышки гроба в него помещали горевшие в руках при отпевании свечи. Жители Березовского завода верили, что по данным святильникам Господь распознаёт всех верующих при Втором пришествии. Обряды получали местные наименования, например, обряд «последней разлуки» [Голикова, 2012, 118–122], смысл которого в том, что родственники и соседи, использовавшие носовые платки для вытирания слёз, бросали их в могилу. В Стряпунинской волости Оханского уезда Пермской губернии гроб спускали на приспособлениях, мочалах, которые необходимо было оставлять в могиле во избежание соприкосновения с тленным в жизни. «Каждый из присутствующих бросал в могилу несколько лопат земли. Немного земли забирали домой, чтобы не бояться потом покойного» [Голикова, 2012, 118–122]. Автор отмечает некую поведенческую солидарность на тех территориях, которые удалось охватить исследованием: в Саратове проявляли большую сплочённость: «...общественная молитва считается, по их понятиям, особенно приличной и необходимой в случаях смерти одного из членов общины сельской» [Голикова, 2012, 118–122], в Пермской губернии – проживающие на одной улице люди помогали по мере сил и возможности бескорыстно, в доме умершего собирались родственники, готовили пищу или привозили готовую еду на поминальную трапезу. Необходимо отметить, что копальщики могил и плакальщицы нанимались за материальное вознаграждение: «... в Стряпунинской волости платили деньги и дарили что-нибудь из вещей умершего: рубашку, платок» [Голикова, 2012, 118–122].

М.С. Альтшулер, рассматривая причитания как часть «плачевой культуры», отмечает, что, несмотря на запрещённый характер⁵, жанр причитаний в русском обществе широко распространён, среди разновидностей – оплакивание покойного. Автор уверена, что культура представлена не единичным актом над гробом в доме или на кладбище: «...практически все моменты традиционного погребального обряда заполнены плачами. Причитания несли в этом комплексе ритуальных действий основную коммуникативную нагрузку – оповещения, сообщения, маркировки всех производимых действий» [Альтшулер, 2007]. Обобщив народные представления, автор высказывает убеждение в том, что плач существует для того, чтобы «сопроводить» душу покойного, «оказать поддержку» в переходе границы земного и небесного миров. Текстуально причитание состоит из рассказа плачеи о тяготах жизни, о страданиях покинутых родственников. «При этом важно, <...> что плачея должна находить, “собирать” нужные и точные слова, описывающие конкретные факты жизни умершего, ситуацию его смерти или оставленных родных. Если же она начинает повторяться, заговариваться, и её поэтический текст не несёт никакой информативной или эмоциональной нагрузки, плач будет останавливать» [Альтшулер, 2007]. Н.С. Грибанова, Т.С. Проскурина, анализируя содержание причитаний, считают, что оно традиционно произвольное: «Чаще всего звучат добрые слова об умершем, сожаление о его кончине, говорится о боли и скорби, переживаемых родственниками, а также передаются просьбы и наказания покойному о том, что он должен передать ранее умершим родственникам, своим или плакальщицы» [Грибанова, Проскурина, 2008, 95]. Учёные обозначают факты, связанные с востребованностью так называемых профессионалов, особенно в сельской местности.

Изменения в погребальном обряде, обусловленные внешними по отношению к традиции факторами, затрагивают наиболее важные стороны культа. Н.С. Грибанова, Т.С. Проскурина, рассматривая совокупность традиционных ритуалов и новаций, вошедших в практику преимущественно во второй половине XX века, в частности, обивание гроба тканью, использование фабричной и полотенечной ткани, возложение венков и цветов, ограждение могилы металлической оградкой, поминание умершего водкой [Грибанова, Проскурина, 2008, 97], отмечают трансформацию мортальных практик. По мнению А.М. Соколовой, это происходит в начале XX века, в советский период, что отмечено фактом, который представляет интерес для исследователей из стран с более устойчивой христианской традицией: «Речь идёт о государственной кампании по созданию, детальной разработке и внедрению новой гражданской, безрелигиозной обрядности взамен традиционной, тесно связанной с религией» [Соколова, 2011; Соколова, 2013]. Модель постсоветского периода отличается появлением и присутствием (по личной инициативе родственников или в результате административного давления) посредника в обрядовой жизни семьи, на договорной основе берущего на себя ту или иную часть ритуала. Мы полагаем, что трансформация погребально-поминальной обрядности в XXI веке связана с вопросами⁶ о продвижении кремации как услуги. Как известно, данный вид похоронной практики появился как атрибут строящегося советского государства, но на данный период его преподносят как выгодное предложение. Дискуссии по поводу строительства крематориев разворачиваются во многих городах РФ, за период 2015–2017 гг. обсуждение велось и ведётся в таких городах, как Омск, Пенза, Пермь, Чебоксары, Калуга, Магадан, Воронеж, Ульяновск⁷. В настоящее время крематории действуют в 15 крупных городах, всего их насчитывается 18⁸. Данные опросов по данной теме чаще всего носят агитационный характер. В мини-исследованиях за озвученными цифрами⁹, как правило, следует текст, отражающий преимущества процедуры: «Кремация позволяет уменьшить территории погребения в 100 раз, а сроки минерализации останков сокращаются с 50 лет до одного часа. <...> В тех городах России, где существуют крематории, этот вид погребения выбирает большинство населения. <...> В среднем, затраты на организацию церемонии погребения при кремации сокращаются на 25–40 процентов»¹⁰. В СМИ идёт PR-кампания по продвижению данного вида услуг, отечественный опыт сравнивается с зарубежным в пользу последнего: «За рубежом порядка 90 процентов кремаций происходит, только 10 процентов погребений в землю. У нас всё наоборот:

порядка 9 процентов мы кремируем, порядка 89 процентов – погребения. Оставшиеся 2 процента – это из раздела «другое», потому что есть люди, которые за рубеж вывозят умерших родственников»¹¹. Среди причин низкого процента кремируемых отмечаются такие, как, например, неразвитость сети крематориев, противостояние обычая традиционных похорон с последующим посещением кладбищ, религиозные мотивы православных¹² и мусульман. В.Н. Лексин подчёркивает, что в России «...доля кремированных в общем числе погребений в последние тридцать лет ежегодно увеличивалась на 1%» [Лексин, 2010, 124–161]. Ввиду неоспоримых преимуществ кремации её защитники предлагают ряд программ¹³ по строительству крематориев. «Причём крематории должны строиться уже как целый комплекс, как похоронный (ритуальный) дом с необходимыми функциями от санитарно-экологических до психолого-просветительских, а не просто как место для сжигания тела»¹⁴. Рынок «мемориальных услуг» при помощи современных рекламных¹⁵ технологий воздействует на развитие мировоззрения современного человека. Например, из 7035 респондентов, опрошенных в г. Владивосток и Приморском крае с 14.04.2017 по 21.04.2017, 16% выразили желание быть погребёнными в определённом месте (по словам опрошенных, в непосредственной близости от захороненных родственников), 2% также выступили за погребение после смерти безотносительно места положения. 38% жителей города и края рассматривают кремацию (9% – мыслят о сохранении праха в урне, 29% – желают, чтобы их прах был развеян по ветру), 27% – негативно отреагировали на возможность рассуждения о будущей смерти, 15% констатировали безразличное отношение к факту погребения своего тела¹⁶. Данные опроса заставляют задуматься по причине добровольного участия в обсуждении достаточно большого количества респондентов. О.А. Митько справедливо указывает, что человек не обязан выбирать между захоронением тела и кремацией, между сохранением или рассеиванием праха, речь идёт о возможности обсуждения смыслополагающего вопроса о смерти, который «...вера в грядущем воскресении лишь только смягчает» [Митько, 2006, 106–117]. Анализируя материалы ежегодной международно-национальной конференции «Современные подходы к управлению похоронным делом», состоявшейся в октябре 2019 года в 20-й раз, мы имеем возможность наблюдать как трансформацию осмысления феномена смерти, так и изменения ритуальных практик. Например, форма захоронения в Израиле получила название «насыщенной», так как предлагает разместить несколько тысяч усопших в многоэтажном строении на уровне традиционном (подземном), семейном (на площадках в виде балконов) и так называемом «Синедрионе» (в пространстве за стеной). Учитывая предложения учёных, кремационная сфера в таких странах, как США, Франция, Швеция, предлагает способ захоронения в виде компоста для большего соответствия экологическим требованиям. В Литве поднимается вопрос об изменении поминальной обрядности, родственники просят вместо цветов принести конверты, символическое угощение при прощании заменяет привычные «поминки» в точках общественного питания или домах. Данные примеры объединяет не столько коммерческий интерес и его систематизация на уровне предложения, сколько стремление обозначить проблему эффективного использования пространства (которое предлагается сделать частным на территории РФ), времени и средств (в том числе, эмоционально-чувственных затрат). Исследовательский интерес связан с гипотетическим предположением, что то, что часть населения РФ выбирает традиционные похороны неосознанно, свидетельствует о вере в бессмертие души и (или) в воскресение из мёртвых, будущую жизнь.

Заключение

Погребально-поминальный обряд, содержащий тот или иной религиозный, культурный смысл или элементы языческих верований, глубоко символичен. Выбор способа захоронения отражает образ мышления и осознание человеком своего места и предназначения в современном мире. В процессе своего личностного становления каждый человек решает для себя вопрос о принадлежности определённой культуре и её ценностям. Если в раннюю христианскую эпоху способу захоронения не придавали значения, так как осознавали явный смысл происходящего, то в настоящее время человек, во избежание нежелательных действий над своим телом, имеет

возможность узнать, что из себя представляет тот или иной обряд, если проявит заинтересованность. Таким образом, соотнесение с тем или иным образом включает подражание, при котором субъект волен избрать для себя подходящий объект, с которым хотел бы себя отождествить. На основании проведённого нами исследования мы выяснили, что древнехристианская модель погребально-поминальной обрядности при многообразии форм сохраняла общие черты, которые можно наблюдать на примере современного российского похоронного цикла. Наше исследование построено по принципу генерализации, на основании которой мы выделили общие элементы, создающие фундамент культа. Так, закрытие глаз усопшего производится родственниками или близкими, они придают лицу благообразный вид, омовение тела в сельской местности проводится приглашёнными лицами, в городской – по желанию отдельной семьи, тело облачается в специально подготовленную одежду (изготовленную, приобретённую), выставляется для прощальной церемонии, над ним совершается чин отпевания, поминальная трапеза состоит из нескольких блюд, часть продуктов раздаётся неимущим. Однако, учитывая территориальные охваты Российской Федерации и разнообразие религиозных традиций, считаем необходимым обращать пристальное внимание на местные особенности, так, при изучении православного похоронного обряда уточнять наличие и расположение храмов или монастырей, специфику миссионерской деятельности, включающей беседы о подготовке к смерти.

Библиографический список

1. Альтшулер, М.С. Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / М.С. Альтшулер. – М., 2007. – 26 с.
2. Голикова, С.В. Похоронные обряды русских Урала середины XIX – начала XX века / С.В. Голикова // Вестник археологии, антропологии и этнографии / Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 4 (19). – С. 118–122.
3. Голубцов, А.П. Из чтений по Церковной Археологии и литургике (археология места молитвенных собраний история церковной живописи) [Электронный ресурс] / А.П. Голубцов. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Golubcov/iz-chtenij-po-tserkovnoj-arheologii-i-liturgike-arheologija-mesta-molitvennyh-sobranij-istorija-tserkovnoj-zhivopisi/ (дата обращения 12.03.2013).
4. Грибанова, Н.С. Похоронно-поминальная обрядность русского населения с. Васильевка Усть-Калманского района: традиции и современность / Н.С. Грибанова, Т.С. Проскурина // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2008 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 5: Материалы V регион. науч.-практ. конф. 4–6 дек. 2008 г. / Под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой, А.Н. Телегина. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – С. 92–100.
5. Григорий Нисский, свт. Избранные творения / свт. Григорий Нисский / Сост. свящ. Александра Гумерова. – 3-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. – 384 с.
6. Гришков, А.М. Онтология погребальной культуры в контексте развития танатологических представлений : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / А.М. Гришков. – М.: МГУ, 2003. – 27 с.
7. Краснов, С.В. К вопросу об интерпретации термина «погребальный обряд» в археологии / С.В. Краснов // XXI век проблемы прошлого и настоящего плюс: Пензенский государственный технологический университет. – 2015. – № 6 (28). – С. 45–49.
8. Лексин, В.Н. Умереть в России / В.Н. Лексин // Мир России. – 2010. – № 4. – С. 124–161.
9. Летуновский, Н., иером. Похоронные обряды христиан первых веков [Электронный ресурс] / иером. Н. Летуновский // Московские епархиальные ведомости. – 2012. – № 9–10. – URL : http://vedomosti.meparh.ru/2006_9_10/14.htm (дата обращения 25.12.2016).
10. Летуновский, Н., иером. Похоронные обряды христиан первых веков. Окончание / иером. Н. Летуновский // Московские епархиальные ведомости. – 2012. – № 11–12. – С. 122–135.
11. Митько, О.А. Кремация в современной культуре / О.А. Митько // Вестник НГУ. – 2006. – Т. 5. – Вып. 3. – С. 106–117 (Серия: История, Филология).
12. О христианском погребении усопших [Электронный ресурс] // Журналы заседания Священного Синода от 5 мая 2015 года. – 2016. – № 30. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4067545> (дата обращения 18.11.2016).
13. Павлова, Т.П. Погребальный культ / Т.П. Павлова // Религиоведение: энцикл. слов. / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 769–770.

14. Просина, С.В. Смертная одежда русских / С.В. Просина // Научный альманах «Традиционная культура». – 2011. – № 4. – С. 104–114.
15. Соколова, А.М. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда / А.М. Соколова // Антропологический форум. – 2011. – № 15. – С. 187–202.
16. Соколова, А.М. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI веке : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / А.М. Соколова. – М., 2013. – 26 с.
17. Творения древних отцов-подвижников / св. Аммон, св. Серапион Тмуитский, преп. Макарий Египетский, св. Григорий Нисский, Стефан Фиваидский, блж. Иперехий; пер., вст. статья, коммент. А.И. Сидорова. – 2-е изд. – М.: Сибирская Благовонница, 2012. – 732 с.
18. Чернышов, С.В. Похоронно-поминальная обрядность как элемент коллективной памяти и традиционной культуры / С.В. Чернышов // Русский сборник. – Брянск: РИО БГУ, 2011. – Вып. 6. – С. 75–80.
19. Шмеман, А., протопресв. Литургия смерти и современная культура / протопресв. А. Шмеман. – М.: ГРАНАТ, 2013. – 176 с.

Текст поступил в редакцию 17.09.2019.

¹ Речь идёт о Священном Писании. См. Пс. (115, 6).

² Паримии на все дни года [Электронный ресурс]. Притчей чтение. URL: https://azbyka.ru/bogoslužhenie/lekcionarij/parimii_gr.shtml (дата обращения 11.12.16).

³ Данная фраза отсутствует в тексте св. Григория, мы заимствуем термин из исследований филологов и социальных антропологов. Выражение «смертная одежда» встречается в работах русскоязычных авторов, так, в труде С.В. Просиной, см.: [Просина, 2011], в ней же в качестве синонимов на русском языке представлены слова и выражения: «смертное», «смертный узел», «на смерть». В исследовании Н.С. Грибановой, Т.С. Проскуриной употребляется слово «смертельное», см.: [Грибанова, Проскурина, 2009].

⁴ Иеромонах Николай (Летуновский) замечает: «У римлян существовал обычай в течение семи дней вскрикивать над умершим и обдавать его тёплой водой. Это совершалось для уверения в действительной смерти человека. Вполне возможно, именно этими же причинами руководствовались и первые христиане, проводя за чтением псалмов перед телом покойника всю ночь» [Летуновский, 2012].

⁵ См. 41 (23 вопрос) // Стоглав. Собор Русской Православной Церкви, бывший в Москве, в 1551 году. СПб.: Воскресение, 2011. 274 с.

⁶ «Если раньше благодаря большевистским лозунгам крематории считались «кафедрами безбожия», то сегодня крематории, можно сказать, сами по себе». См. Крематорий в Омске: право на выбор или вынужденная необходимость? [Электронный ресурс]. Официальный сайт Союза похоронных организаций и крематориев. URL: <http://www.pohoronotrasl-souz.ru/news/novosti-pokhoronnoj-otrasli/1562-krematorij-v-omske> (дата обращения 8.01.17).

⁷ По материалам новостей официального сайта Союза похоронных организаций и крематориев России. Анализ архива новостей за 2015–2017 гг. См.: Архив [Электронный ресурс]. Официальный сайт Союза похоронных организаций и крематориев. URL: <http://pohoronotrasl-souz.ru/krematorii> (дата обращения 8.01.17).

⁸ Список действующих крематориев на территории РФ. [Электронный ресурс]. Ритуальный блог «Лук-медиа». URL: <http://www.luk-media.ru/comments/1121> (дата обращения 8.01.17).

⁹ Согласно опросу: 34% ульяновцев предпочитают кремацию традиционному захоронению. 21% опрошенных – люди в возрасте от 50 лет и старше, из них 12% женщины, 9 – % мужчины. 13% опрошенных – люди в возрасте от 25 до 40 лет, из них 5% женщины, 8 – мужчины. См.: Колумбарий против могил: новость от 8.02.16 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Союза похоронных организаций и крематориев. URL: <http://www.pohoronotrasl-souz.ru/news/novosti-pokhoronnoj-otrasli/815-kolumbarii-protiv-mogil> (дата обращения 8.01.17).

¹⁰ Там же. Колумбарий против могил: новость от 8.02.16 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Союза похоронных организаций и крематориев. URL: <http://www.pohoronotrasl-souz.ru/news/novosti-pokhoronnoj-otrasli/815-kolumbarii-protiv-mogil> (дата обращения 8.01.17).

¹¹ В союзе похоронных организаций рассказали о растущей популярности кремации. Интервью с президентом Союза похоронных организаций и крематориев России Павлом Кодышем. Новость от 2.08.2015 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Союза похоронных организаций и крематориев. URL: <http://www.pohoronotrasl-souz.ru/glavnaya/press-center/563-v-soyuzepokhoronnykh-organizatsij-rasskazali-ostushshej-populyarnosti-krematsii> (дата обращения 10.01.17).

¹² См. статью «Позиция Магаданской епархии в отношении крематория вводит людей в заблуждение» (27.09.2016) [Электронный ресурс]. Официальный сайт Союза похоронных организаций и крематориев. URL: <http://pohoronotrasl-souz.ru/news/novosti-pokhoronnoj-otrasli/1348-pozitsiya-magadanskoj-eparkhii-v-otnoshenii-krematoriya-vvodit-lyudej-v-zabluzhdenie> (дата обращения 10.01.17).

¹³ Примечателен текст сообщения: «... вообще в МУП «Ритуал» рассчитывают совершать 70–80 кремаций в месяц». См. статью «Ритуал: Кремация в Ижевске будет значительно дешевле, чем похороны на кладбище» [Электронный ресурс]. Официальный сайт Союза похоронных организаций и крематориев. URL: <http://www.pohoronotrasl-souz.ru/news/novosti-pokhoronnoj-otrasli/675-mup-ritual-krematsiya-v-izhevskem-budet-znachitelno-deshevle-chem-pokhorony-na-kladbishche> (дата обращения 10.01.17).

- ¹⁴ Актуальные вопросы похоронного дела. Интервью с Андреем Цветновым, кандидатом политических наук, директором-координатором Корпорации руководителей похоронных предприятий, г. Москва, 2007 [Электронный ресурс]. Похоронный портал. URL: <http://www.funeralportal.ru/library/1543/4275.html> (дата обращения 8.01.17).
- ¹⁵ Новость об экспертном совете по рекламе при краевом УФАС, вопрос о двух макетах и разрешении разместить их в центре города. «На одном из макетов изображена смерть с косой, а слоган гласит: «Ты заядлый курильщик, алкоголик?! ...Наш клиент». На втором изображён спидометр, стрелка которого приближается к цифре 120. Надпись гласит: «60 км/ч – домой. 120 км/ч – в морг». См. Красноярскому крематорию разрешили вешать эпатажную рекламу. Новость от 20.09.16 [Электронный ресурс]. Официальный сайт Союза похоронных организаций и крематориев. URL: <http://pohoronotrasl-souz.ru/news/novosti-pokhoronnoj-otrasli/1355-krasnoyarskomu-krematoriyu-razreshili-veshat-epatazhnyuyu-reklamu>
- ¹⁶ Опрос общественного мнения «Вы бы предпочли после смерти...» [Электронный ресурс]. Опрос проведён на официальном сайте г. Владивосток с 14 по 21 апреля 2017 года [Сайт г. Владивосток]. URL: <http://www.vl.ru/polling/archive/main-vl/553> (дата обращения 23.04.17).

References

1. Al'tshuler M.S. *Russkie pohoronnyye prichitaniya. Vidy, formy, genezis, bytovanie. Diss. kand. iskusstvovedeniya* [Russian Funeral Lamentations. Types, Forms, Genesis, Existence. Ph.D. Thesis in Arts]. Moscow: MGK Publ., 2007, 26 p. (in Russian).
2. Golikova S.V. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik of archeology, anthropology and Ethnography]. Tyumen, 2012, no. 4 (19), pp. 118–122 (in Russian).
3. Golubcov A.P. *Iz chtenij po Cerkovnoj Arheologii i liturgike (arheologiya mesta molitvennyh sobranij istoriya cerkovnoj zhivopisi)* [From Readings on Church Archaeology and Liturgics (Archeology of Places of Prayer Meetings History of Church Painting)]. Available at: <http://mystudies.narod.ru/library/g/golubtsov/a-22/18.html> (accessed on March 12, 2013) (in Russian).
4. Gribanova N.S. *Proskurina T.S. Polevye issledovaniya v Verhnem Priob'e i na Altae. 2008 g.: Arheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya. Vyp. 5: Materialy V region. nauch.-prakt. konf. 4–6 dek. 2008 g.* [Field Research in the Upper Ob Region and the Altai. 2008. Archaeology, Ethnography, Oral History. Vol. 5. Materials of the 5th Regional Science and Practice Conference, December 4–6, 2008]. Barnaul: AltGPA Publ., 2009, pp. 92–100 (in Russian).
5. Gregory of Nyssa. *Izbrannyye tvoreniya* [Selected Creations]. Moscow: Sretensky monastery publishing House, 2014. 384 p. (in Russian).
6. Grishkov A.M. *Ontologiya pogrebal'noj kul'tury v kontekste razvitiya tanatologicheskikh predstavlenij. Diss. kand. filos. nauk* [Ontology of Funerary Culture in the Context of the Development of Thanatological Representations. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Moscow: MGU Publ., 2003, 27 p. (in Russian).
7. Krasnov S. V. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plusy* [XXI Century: Results of the Past and Problems of the Present Plus]. Penza: State technological University, 2015, no. 6 (28), pp. 45–49 (in Russian).
8. Leksin V.N. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [The World of Russia. Sociology. Ethnology]. Moscow: HSE, 2010, no. 4, pp. 124–161 (in Russian).
9. Letunovskij N. *Moskovskie eparhial'nye vedomosti* [The Moscow Diocesan Gazette]. Moscow, 2012, no. 9–10 (in Russian). Available at: http://vedomosti.meparh.ru/2006_9_10/14.htm (accessed on December 25, 2016) (in Russian).
10. Letunovskij N. *Moskovskie eparhial'nye vedomosti* [The Moscow Diocesan Gazette]. Moscow, 2012, no. 11–12 (in Russian).
11. Mit'ko O.A. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya. Arheologiya i etnografiya* [Vestnik NSU. Series: History, Philology. Archaeology and Ethnography]. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University Publ., 2006, pp. 106–117 (in Russian).
12. *Logs of the meeting of the Holy Synod on May 5, 2015*. The journal, no 30, 2016. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4067545> (accessed on November, 18, 2016) (in Russian).
13. Pavlova T.P. *Pogrebal'nyj kul't* [Funerary Cult]. Moscow: Academic Project, 2006, pp. 769–770 (in Russian).
14. Prosina S.V. *Nauchnyj al'manah Tradicionnaya kul'tura* [Traditional Culture Scientific Almanac]. Moscow: State Russian House of Folk Art n.a. V. D. Polenov, 2011, no. 4, pp. 104–114 (in Russian).
15. Sokolova A.M. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum]. St. Petersburg, 2011, no. 15, pp. 187–202 (in Russian).
16. Sokolova A.M. *Transformacii pohoronnoj obryadnosti u russkikh v XX–XXI veke. Diss. kand. ist. nauk* [Transformations of Funeral Rites in Russians in the 20th – 21st Century. Ph.D. Thesis in History]. Moscow, 2013, 26 p. (in Russian).
17. *Tvoreniya drevnih otcov-podvizhnikov* [Works of Ancient Men of Faith]. Moscow: Sibirskaya Blagovonnica, 2012, 732 p. (in Russian).
18. Chernyshov S.V. *Russkij sbornik* [Russian Collection]. Bryansk: RIO BGU, 2011, pp. 75–80 (in Russian).
19. Shmeman A. *Liturgiya smerti i sovremennaya kul'tura* [The Liturgy of Death and Modern Culture]. Moscow: GRANAT, 2013, 176 p. (in Russian).

Submitted for publication on September 17, 2019.